

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.29>

Городилова Людмила Михайловна

ЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII - НАЧАЛА XVIII В.

В статье предлагается описание ландшафтной лексики, зафиксированной рукописными памятниками делового содержания Приенисейской Сибири XVII - начала XVIII в. Анализу подвергается лексика ландшафта не только природного, но и антропогенного происхождения. Учет естественно-географических условий расселения русских первопоселенцев Приенисейской Сибири позволил выявить и охарактеризовать 290 лексем, представляющих наименование земного и водного пространства, а также территорий с определенным типом растительности. В научный оборот впервые вводятся данные, извлеченные из рукописных памятников, хранящихся в архивах Москвы (РГАДА), Санкт-Петербурга (СПбФИРИ РАН), Красноярска (ГАКК).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 340-345. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Головчанская И. И. Формирование фоностилистической компетенции учителя иностранного языка (бакалавриат, французский язык): дисс. ... к. пед. н. Пятигорск, 2016. 252 с.
4. Григорьев Е. И. Основы фонопрагматики немецкого языка: монография. Днепропетровск: Навчальна книга, 1997. 169 с.
5. Демина М. А. Фонопрагматика как новое направление в лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 607. С. 95-105.
6. Карандеева Л. Г. Фонопрагматические характеристики указаний в немецком языке // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С. 50-55.
7. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград, 2000. С. 5-20.
8. Ленца Д. Л., Соловьева Е. В. Фонетика в аспекте прагматики. Кишинев: Штиинца, 1989. 98 с.
9. Рыжова Л. П. Классическая риторика как методологическая основа французской лингвистической прагматики // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: сборник статей по итогам второй международной конференции (15-16 марта 2017 г.): материалы научной сессии. М.: Спутник+, 2017. Ч. 2 / сост. И. В. Харитонова, Г. В. Беликова, Е. Е. Беляева и др. С. 186-190.
10. Wioland F. La vie sociale des sons du français. Paris: L'Harmattan, 2005. 216 p.

**FOREIGN-LANGUAGE PROFESSIONAL PEDAGOGICAL DISCOURSE
IN THE CONTEXT OF PHONO-PRAGMATICS: PROBLEM FORMULATION**

Golovchanskaya Irina Il'ichna, Ph. D. in Pedagogy
Moscow City University
golo-irina@bk.ru

The article examines a special type of discourse – foreign-language professional pedagogical discourse – in the context of a new trend of linguistic pragmatics – phono-pragmatics. The author consistently analyzes scientific experience in the sphere of discourse studies on the basis of an interdisciplinary approach, justifies the importance and relevance of studying qualitative characteristics of living speech from the viewpoint of their communicative influence. The paper analyzes the possibility to broaden the sphere of phono-pragmatic studies by examining linear sequences and their components – segmental units, which together with supra-segmental ones acquire actual communicative implementation and come out as a marker of foreign-language professional pedagogical discourse.

Key words and phrases: foreign-language professional pedagogical discourse; pragmatics; phono-pragmatics; segmental and supra-segmental phonetics; living speech; speech act; communicative influence.

УДК 81'373

Дата поступления рукописи: 11.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.29>

В статье предлагается описание ландшафтной лексики, зафиксированной рукописными памятниками делового содержания Приенисейской Сибири XVII – начала XVIII в. Анализу подвергается лексика ландшафта не только природного, но и антропогенного происхождения. Учет естественно-географических условий расселения русских первопоселенцев Приенисейской Сибири позволил выявить и охарактеризовать 290 лексем, представляющих наименование земного и водного пространства, а также территорий с определенным типом растительности. В научный оборот впервые вводятся данные, извлеченные из рукописных памятников, хранящихся в архивах Москвы (РГАДА), Санкт-Петербурга (СПбФИРИ РАН), Красноярска (ГАКК).

Ключевые слова и фразы: ландшафтная лексика; номинация отрицательных (низинных) и положительных (возвышенных) форм наземного и подводного рельефа; номинация водных объектов и их участков; номинация территорий с определенным типом растительности; лексика ландшафта антропогенного происхождения; ландшафтные лексемы в структуре топонимов.

Городилова Людмила Михайловна, д. филол. н., профессор
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
gorodilova_l@mail.ru

**ЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XVIII В.**

Как известно, лексика ландшафта (чаще называемая народной географической лексикой) представляет собой наиболее устойчивый пласт русского языка, который «кодирует в себе восприятие пространства в его этнокультурном аспекте» [13]. Академик Л. С. Берг еще в начале XX в. отмечал, что «народные термины заслуживают самого внимательного отношения как филологов, так и в особенности географов... Распространение народных терминов и те видоизменения смысла, которые они претерпевают в различных местностях, дают немало указаний на ход колонизаций, перемещения народных масс и взаимные влияния соседних народностей» [2, с. 99]. За более чем столетний период опубликовано достаточно много работ, посвященных описанию географической лексики/терминологии, которая наблюдается в живых говорах различной территориальной

приуроченности. К числу исследованных относятся территории Горьковской области (А. М. Абрамов, Г. Г. Смирнов, 1969), Псковщины (В. М. Мокиенко, 1969; А. А. Александров, 1994; Л. Я. Костючук, 1999; Е. Н. Полякова, 1972, 1977, 1988, 2006, 2007; Л. А. Лекарева, 1977-2000); Черниговско-Сумского Полесья (Е. А. Черепанова, 1973), Воронежской области (В. И. Дьякова, 1973), Белозерья (Л. А. Субботина, 1983), Новгородской области (В. П. Строгова, 1991; В. Л. Васильев, 1994, 2001), Коми (Н. С. Сергеева, Н. В. Величко, 1994), Тюменской области (Н. В. Лабунец, 2000-2007), районы верхнего Дона и бассейна р. Хопер (М. В. Флягина, 2004) и др. Отмечены работы, посвященные описанию отдельных лексем (В. И. Дьякова, 1972; Э. В. Лукичева, 1983). Однако абсолютное большинство работ представляет собой синхронное описание ландшафтной лексики говором по материалам экспедиций или опубликованным лексикографическим работам.

Исследование лексики ландшафта по памятникам письменности прошлых эпох представлено небольшим количеством работ, среди которых следует назвать публикации Н. А. Цомакион [27, с. 115-137]; В. С. Картавенко [12, с. 24-42], Л. М. Городиловой [5, с. 71-79; 6], Н. Г. Благовой [3, с. 4-9], Н. Г. Рябкова [20] и некоторые др.

Современное состояние географической лексики с историческим комментированием представлено в лексикографических трудах В. И. Дьяковой, В. И. Хитровой [10] и Е. Н. Поляковой [16].

Предметом нашего исследования стала лексика ландшафта Приенисейской Сибири XVII в. природного и антропогенного происхождения, при этом под природным ландшафтом мы понимаем «общий вид местности, пейзаж» [23, с. 163]. Ср. также: «Ландшафт – комплекс природных и культурных явлений, сосредоточенных на определенной территории» [26, с. 174].

Источником выборки исходных материалов послужили рукописные тексты делового содержания, созданные в делопроизводственных учреждениях Приенисейской Сибири XVII – начала XVIII в. и хранящиеся в архивах Москвы [17-19], Санкт-Петербурга [1], Красноярска [7].

Ландшафтная лексика, зафиксированная в документальной письменности, достаточно разнообразна, однако набор лексем в количественном отношении все же уступает современному состоянию состава данной тематической группы в русских говорах Красноярского края, территория которого примерно совпадает с изучаемым регионом. Исследование архивных материалов позволило выявить 290 номинаций ландшафта, бытовавших в языке русских поселенцев Приенисейской Сибири в XVII – начале XVIII в. и обозначающих земное и водное пространство, растительные массивы.

Описанию ландшафтной лексики предшествовало лексикографическое исследование выявленных лексем, поскольку значение того или иного ландшафтного обозначения не всегда удавалось установить по оригинальному контексту. Многие географические номинации в рукописях не содержат пояснения, так как были хорошо известны составителям документов.

Среди элементов природной среды ведущую роль играет рельеф – «особенность ландшафта определенной местности, характеризующаяся формой земной поверхности и относительной высотой отдельных ее участков» [26, с. 175], поскольку именно рельеф не только определяет климатическую дифференциацию, но и сильно влияет на распределение по земной поверхности почвенного и растительного покрова [11].

Описание земной поверхности (в том числе и подводной) в рукописных памятниках представлено лексемами, которые можно распределить на четыре тематические группы:

- 1) слова, обозначающие нейтральный (равнинный) рельеф;
- 2) слова, обозначающие отрицательные (низинные) формы наземного и подводного рельефа;
- 3) слова, обозначающие положительные (возвышенные) формы рельефа;
- 4) слова, обозначающие отношение земной поверхности к водной.

К первой группе относятся лексем:

дрясва, дресва – ‘наносная мель в реке из песка, гальки’ [22, вып. 8, с. 185]: «первая рыбная ловля... по обоим сторонам реки Енисея и по Южаковской дрясве» [17, кн. 1403, л. 361]; **елань** – ‘ровное открытое пространство’, ‘луговая и полевая равнина, обширная прогалина в лесу’, ‘безлесное ровное место, окруженное бором’ [22, вып. 8, с. 336-337; 24, вып. 5, с. 44]: «деревня Рождественского девичья монастыря стоит вверх по Енисею реке на городской стороне в ялане выше Казачья лугу по Мельничной речке» [17, кн. 403, л. 48 об.]; **изголовь верхняя и нижняя** – ‘верхний и нижний конец острова’ [22, вып. 12, с. 119]; «а с верхние изголови до нижней изголови по Касовскому острову рыболовного места на версту» [17, кн. 1403, л. 386]; **луг** – ‘низменное заболоченное место, пойма’, ‘низменный берег, покрытый травой, кустарником, тростником, часто заболоченный’, ‘сенокосное, пастбищное угодье’ [22, вып. 17, с. 174; 24, вып. 8, с. 291-292]; **степь** – ‘обширное ровное нераспаханное пространство с мелколесьем, изобилующее водой’ [22, вып. 41, с. 144]: «те все земли учнут приходить на волости... войною и Енисейский волок отоймут потому что тот волок близко степи» [18, ст. 91, л. 145] и др.

Учитывая естественно-географические условия расселения первых поселенцев Приенисейской Сибири (Среднесибирское плоскогорье по правому берегу Енисея и низменность – по левому), становится понятным существенное преобладание в памятниках письменности слов, обозначающих низинные и возвышенные формы рельефа. Так, **отрицательные (низинные) формы наземного и подводного рельефа** в текстах представлены лексемами: **баярак, боярак, боерак** – ‘буерак, овраг’, ‘овраг, узкая долина, лог’ [22, вып. 3, с. 251]: «в межах от Бобровки речки по лествиничной баяракъ на усть тово листьвеничново бояраку стоит пят листьвениць» [1, ед. хр. 25/3, л. 4], «а от того бояраку вниз же Енисея реки до малого яру» [17, кн. 1403, л. 356 об.]; **дебря** – ‘долина, низина’, ‘логовина, долина, раздолье, ложбина, лог, овраг, буерак’ (с пометой *стар.*) [8, с. 424]; ‘ущелье, ров, долина’ [24, вып. 4, с. 197]: «да на их дебре против избы сараи и три звена заплоту да по коневе сарау сенник и с подклетем» [19, ед. хр. 7, л. 3]; **залива** – ‘низкое место, затопляемое во время

половодья» [22, вып. 10, с. 195]: «залива ис той же речки Чермениной вешнею полою водою заливаецца в ручей» [17, кн. 1403, л. 353]; *лог* – ‘овраг; низина’, ‘широкий овраг, поросший лесом’ [22, вып. 17, с. 103-104]: «с той осины вниз по осиннику до осинового логу наверх тово логу стоит осина ж... с той осины вниз по осиново-логу на Ягодкин бор» [1, ед. хр. 25/3, л. 5]; «на другой стороне логъ съ елником» [17, кн. 403, л. 162]; *наволока* – ‘низменное заболоченное место’, ‘низменное место на берегу реки’, ‘заливной луг на берегу реки’ [22, вып. 19, с. 180]: «сенных покосовъ на низких наволоках и в лесахъ шесть десятиин» [17, кн. 403, л. 119 об.]; «сенных покосовъ на острове и на наволоках шестнатцат десятиин» [Там же, л. 129 об.]; *розлог, розложек* – ‘низина, глубокий овраг, лог, долина между гор’ [22, вып. 33, с. 357], ‘длинная впадина, ложбина’ [25, с. 361]: «а межа с верхнюю сторону от Енисея реки по скотцкому огороду в гору до розлогу» [17, кн. 403, л. 119 об.], «а с тое листьвеницы в розлог а в томъ розлоге стоит береза... наверх тово розлогу стоит осина», «с той вершины на крутой розложекъ» [1, ед. хр. 25/3, л. 5]; *култук* – ‘балка, овраг, кончающийся тупиком’, ‘узкий низменный луг’ (у Даля – *сиб.*) [22, вып. 16, с. 70]: «велели ему ту луговую землю за озеромъ меж борами в култукѣ отвѣсть ему Тимошке» [7, д. 39, л. 2]; *суходол* – ‘балка с широким плоским дном или долина, заполняемая лишь тальми водами. Суходолом называют также верхние части склонов и водоразделы, более сухие, чем окружающие территории» [4, с. 1293], ‘сухой, безводный овраг’ [22, вып. 43, с. 10]: «а с нижнюю сторону от сотника стрелецкого Максима Перфирьева в межах по бояраку по суходолу прямо в гору» [17, кн. 403, л. 115] и др.

Наименование возвышенных форм рельефа природного ландшафта представлено в памятниках письменности следующими наиболее часто встречающимися примерами: *бор* – ‘сухое возвышенное место, где обычно растут сосны’ [22, вып. 3, с. 96]: «на красном бору на мугалской стороне пристойит поставить государевъ острогъ» [18, ст. 344, л. 587], «с той осины вниз по осиново-логу на Ягодкин бор к Кеме реке» [1, ед. хр. 25/3, л. 5]; *бугор* – ‘большой холм’ [22, вып. 3, с. 237]: «и от того ручья вниз же до березы что на конец бугра порозжего нерыболовного места полтретьи версты» [17, кн. 1403, л. 384]; *бык* – ‘скалистый мыс; подводное его продолжение, образующее порог’, ‘большой, круто выдающийся утес, по течению северных, сибирских рек и на Байкале’ [22, вып. 3, с. 342-343; 24, вып. 1, с. 364], «а ловить в той реке Тисе острогою лучем мелкую рыбу ленки и харьюсы по городской стороне от Скутового острова до быка» [17, кн. 1403, л. 385 об.]; *веретья, веретья* – ‘сухое возвышенное место среди болот, на затопляемом лугу, среди леса’ [22, вып. 4, с. 138]: «озеро... под высокою веретьею с ыстокомъ длина тому озеру полверсты» [17, кн. 1403, л. 329 об.], «межа на веретье подле двора посадцкого человека» [Там же, л. 356 об.]; *гора* – ‘гора’: «к Мымаку князю в улус собрались многие яколские князцы своими людьми с верху и с низу Лены реки и з гор» [18, ст. 368, л. 155], «посадцкой человек Олешка Тиханов соловар сказал сыскал де онъ... вверхъ по Тасееве реке слюдные горы» [Там же, ст. 274, л. 223-224]; *гора* – ‘высокий берег реки; берег, суша’ [24, вып. 4, с. 78]: «и в том месте дрова сечены и з горы къ Енисею реке метаны» [18, ст. 91, л. 57], «да за городом же на горе церковного лесу семьсотъ дватцать бревен» [17, кн. 1422, л. 5 об.] (известно, что Старая и Новая Мангазея стояли на ровном месте, лишенном гористости [27, с. 123]); *камень* – 1. ‘Утес, скала’: «а та Бобровка речка устьемъ вышла въ Енисеи в каменю выше Лапины заимки» [1, ед. хр. 25/3, л. 5]; 2. ‘горы, горная цепь, горный хребет’ [22, вып. 13, с. 22]: «и ныне они в летнюю пору живут в дальних местех в камени и в чорных лесах и сыскать их нельзя» [18, ст. 344, л. 470] (в сочетании *Большой камень* – ‘горный хребет’ – не Урал: «а от Белой реки мы шли до Болшево камени пят дней... а вверхъ Болшево камени живут тунгуские люди» [Там же, ст. 183, л. 4]); *кармакул* – ‘подводный камень опасный для судов’ [22, вып. 13, с. 94]: «а от той мельницы до Колмогорова острова нижней изголови до кармакулов которые кармакулы под Гуляевою гарью нерыболовного места на дватцать версть» [17, кн. 1403, л. 385 об.]; *прилук* – ‘невысокая возвышенность вдоль поймы реки’ [22, вып. 31, с. 279]: «а от того мысу в прилуке да до межи ево Тимофеевой и брата ево Семена даной земли... длиннику пять десятиин» [17, кн. 1403, л. 356 об.]; *увал* – ‘вытянутая возвышенность с пологими склонами’, ‘возвышенное место, небольшой холм с пологим склоном’ [22, вып. 46, с. 156-158]: «да от той листьвеницы на березу которая береза стоит блиско Лаврентьевской речки в увале» [17, кн. 403, л. 121], «а подле Енисей реку по увалу прилегла монастырская заложная лесная и пахотная земля» [Там же, л. 121 об.] и др.

Отношение земной поверхности к водной представлено названиями частей суши, примыкающей к водным объектам (виды берегов), например: *берег* – ‘полоса суши, прилегающая к воде, берег’ [22, вып. 2, с. 244]: «и все единодушно мужески ополчас вышли из острошку на берег Лены реки» [18, ст. 368, л. 156], «а дьячей кочъ Григория Теряева кинуло на берег и стояли на том берегу восемь недель» [Там же, ст. 134, л. 91а]; *матерой берег* – ‘старый, ненаносный берег’ [24, вып. 1, с. 141]: «а по матерому берегу... до Караульной курьи рыболовного места и с островною рыбною ловлею по заречной стороне на полверсты» [17, кн. 1403, л. 396]; *коса* – ‘узкая намывная полоса суши, причлененная одним концом к берегу, а другим выступающая в сторону моря, реки, озера’ [4, с. 636]: «а от косы до Михалевской речки нерыболовного места на две версты» [17, кн. 1403, л. 384 об.]; *край* – ‘крутой берег реки’ [22, вып. 15, с. 163]: «прямо на краю тое Кеми стоит на увале сосна» [1, ед. хр. 25/3, л. 6]; *мыс* – ‘участок побережья, вдающийся окончанием в море, озеро или реку’ [4, с. 855]: «а от того мысу наниз же до мысу которой мыс против нижней изголови... нерыболовного места полверсты» [17, кн. 1403, л. 356 об.], «от того бору до мыса полторы версты нерыболовного места» [Там же, л. 384]; *остров* – ‘участок суши на реке с сенокосными угодьями’, ‘участок суши, окруженный водой’ [22, вып. 24, с. 80]: «владеют де Спаского монастыря старцы на усть Кеми на острове санными покосы из давних летъ» [17, кн. 403, л. 21 об.], «ловлю я... на Енисее реке и около острова и на острове на озерахъ» [Там же, кн. 1389, л. 32]; *яр* – ‘крутой, обрывистый берег реки, подмываемый водой» [4, с. 1587], ‘обрыв, стремнина, отрубистый берег реки оврага, пропасти; подмытый и обрушенный берег реки» [9, с. 680]:

«а величиною та руда вершка в два и в три... а иные круглы а иные мелкие лежат сплошь под яром» [18, ст. 344, л. 7], «и в томъ яру железной руды добре много» [Там же, л. 11] и др.

Значительную группу ландшафтной лексики составляют **наименования водного пространства**, куда входят в большинстве своем общеизвестные слова:

1) названия водных объектов: *река, речка, ручей, ключ, озеро, озерко, пруд, болото, море*;

2) названия притоков реки и ее рукавов – *рукав, протока, прорва* – ‘проток, рукав реки или проток, соединяющий два рукава реки’ [22, вып. 32, с. 216]: «рыбная ловля выше Маркова городища от одинакой лиственицы а вниз Енисея реки до прорвы... всего на полверсты» [18, ст. 1389, л. 19], «рыбы ловить им разными снастями в реке Енисее в урочищах от Городищенской первой прорвы на заречной стороне» [17, кн. 1403, л. 361]; *режма* – ‘протока’ [22, вып. 35, с. 28]: «и теми режмами карбасы волочат порожежие без запасов а запасенка режмами и через волок носят на себе» [18, ст. 263, л. 199], «теми режмами путь бывает сух и безводен а подле режмы грязь и болотина» [Там же];

3) наименование частей реки: *верх, вершина* – ‘верховье, исток’ [24, вып. 2, с. 108]: «и стоят они моторцы на Тубинской вершине а с ним стоит четырнатчет человек а на той же вершине дале стоят они ж моторцы человек с тритцат» [18, ст. 1052, л. 356], «отвож листьвеничново бояраку вверх по той же Бобровке речке до вершины с той вершины на крутой розложекъ» [1, ед. хр. 25/3, л. 5]; *исток* – ‘место, ниже которого появляется постоянное русло потока’ [4, с. 510]: «а с истоку Мостового (озера) вверхъ Кеми реки тони по обе стороны реки до Черной речки» [17, кн. 1403, л. 380], «в Енисейском уезде два озера с ыстоками» [Там же, л. 329 – 329 об.]; *усть, устье* – ‘место впадения реки в другую реку, озеро, море’ [4, с. 1394]: «в деревне на усть Тунгуске пять мушкетовъ з замками» [17, кн. 1089, л. 96], «с усть Дона реки приехали служивые люди» [18, ст. 40, л. 508], «да вверхъ по Енисею реке через устье Лаврентьевской речки... а подле Енисей реку по увалу прилегла монастырская заложная лесная и пахотная земля» [17, кн. 403, л. 121 об.], «тот подпорожной ручей устьемъ вышел в озеро» [1, ед. хр. 25/3, л. 5]; *россоха* – ‘развилка, ответвление’ [24, вып. 22, с. 61]; ‘слияние нескольких рек в одну’ [22, вып. 34, с. 221]: «и Поздей Фирсовъ... ходилъ вверхъ по Тунгуске реке до летние россохи и в россохе пришли на них многие тунгуские люди и был бой» [18, ст. 12, л. 353]; *стрелка* – ‘место слияния двух рек’ [22, вып. 41, с. 318]: «деревня Спаского ж монастыря на стрелке» [17, кн. 403, л. 31 об.], «и с стрелки де их перевели в среднюю деревню на Усолку для того что на стрелке хлеб не родитца» [Там же, л. 137 об.] и др.;

4) название участков водных объектов по назначению: *тоня* – ‘место лова’, ‘граница рыболовного участка’ [22, вып. 44, с. 237-238]: «выше Енисейского города вверхъ идучи на правой стороне... рыбная тоня а прозвище той тоне Подрижная» [17, кн. 817, л. 269]; «а на той де рыбной тоне по вся годы промышляють весною и летом всяких чинов люди всякую рыбу» [Там же, л. 269 об.]; *воденик* – ‘огороженное место на реке или озере, где поят скот’ [22, вып. 4, с. 348]: «рыбная Подрижная тоня вверхъ по Енисею реке на городской стороне... от скотского огородного воденика вниз до верхней изголови Ушаковского острова» [17, кн. 403, л. 121];

5) название участков водных объектов по характеру течения: *перекат, плёсо* – ‘участок реки со спокойным течением от одного изгиба или переката до другого, плес’ [22, вып. 27, с. 116-118]: «на Енисее реке плесо от нижнево Рычкова быка до верхнево Палигузова быка по смете версты на четыре» [17, кн. 1389, л. 7]; *порог* – ‘участок реки с повышенной скоростью течения; образуется в местах выхода на поверхность трудно-размываемых горных пород’ [4, с. 1043]: «и посылают нас холопей твоих под Брацкой порог» [18, ст. 12, л. 278]; *шивера* – ‘каменистый перекат на реке, мелководный участок реки (Сибирь, Дальний Восток)’ [4, с. 1520]: «на овсяной шивере пашенных крестьян пять человек пашут полтретья десятин» [17, кн. 842, л. 55];

6) название заливов: *залева* – ‘залив реки или озера’ [22, вып. 10, с. 205]: «да в то жь озеро зашла залева от высокой веретьи» [17, кн. 1403, л. 363]; *курья* – ‘залив реки; затон, заводь’ [22, вып. 16, с. 151-152]: «а с усть Савинские речки до Остятцки курья которая курья выше Савинские речки нерыболовного места на две версты» [17, кн. 1403, л. 385]; *шар* – ‘морской пролив, залив, который только в морской прилив обрывается в пролив либо в длинный глухой рукав’ [9, с. 623].

Комплекс номинации природных явлений включает также **наименование территорий с определенным типом растительности**, например: *березник, ельник, листвяг, осинник, сосняк, тальник, конопленик*. Для обозначения глухого леса используются слова *бор* – ‘крупный сосновый лес на возвышенном сухом месте’ [8, с. 118], *сузем, суземок* – ‘густой дремучий лес без дорог, обычно в отдалении от жилья’ [9, с. 357], *тайга* – любой лес. Лесная поросль в овраге или в распадке именуется *колком* [22, вып. 14, с. 162-163]: «наверхъ тово розлогу стоит осиновою колок» [1, ед. хр. 25/3, л. 5], а болотистая местность, поросшая мелким лесом и кустарником – *согрой* [22, вып. 39, с. 201]: «к тому озеру залегло болото зыбучее в другую сторону лесная согра» [17, кн. 1403, л. 364 об.].

Для обозначения местности с травяным покровом русские первопоселенцы использовали общерусские слова *поле* и *луг*: «пашем на тобя государя в поле по десятине» [18, ст. 12, л. 377]; «на том же лугу... вышло место холмоватое» [Там же, ст. 344, л. 7].

Тексты деловой письменности содержат лексику ландшафта не только природного, но и антропогенного происхождения. Так, для названия мест, приспособленных для перехода или переезда, использовались не только общерусские лексемы *волок* [5, с. 73-75], *дорога, переход, путь, тропа*, но и диалектные *бечева, бечевник* – ‘дорога или тропа по берегу реки’ [24, вып. 1, с. 183]: «а величиною та руда вершка в два... а иные круглы а иные мелкие лежат сплошь под яром по самой бечеве» [18, ст. 344, л. 7], «а лошади и мелкой скот коровы и быки мошно послать берегом бечевником а ходу имъ будет... до Ленского волоку бечевником

четыре недели» [Там же, ст. 136, л. 377]; *сакма* – ‘тропинка, тропа’ [22, вып. 36, с. 49-50]: «тот острог станут на мугалских и на калмацких сакмах и на переходах» [18, ст. 380, л. 25].

Участки возделываемой земли в текстах называются *пахота, пашня, пашнишка, пожня, роспашь* – ‘вспаханная земля, пашня’ [22, вып. 35, с. 189].

Для номинации заброшенных участков земли использовались слова *пустошь, пустыня, пустое место*: «а ныне та пустошь лежит впусе а тою де пустошью владеют Спаского монастыря старцы и сено косят а з другую сторону к межи та пустошь енисейских посадских людей Левки Обросимова с товарищи» [17, кн. 403, л. 176 об.], «а те Троецково монастыря деревни и крестьяне селены на пустых местах» [Там же, л. 18].

Следует отметить, что в рукописных памятниках XVII – начала XVIII в. довольно часто отмечаются сочетания со словом *место* и *земля*, обозначающие разные географические объекты и уголья: *болотное место* – *болото*, *гаревое место* – *гарь*, *луговое место* – *луг*, *огородное место* – *огород*, *пашенное место* – *пашня* и под.; *гаревая земля* – *гарь*, *еланная земля* – *елань*, *луговая земля* – *луг*, *пахотная земля* – *пашня* и под.

Ландшафтные аппеллятивы, будучи привязанными к конкретным географическим ориентирам, вошли в состав топонимов в качестве главного компонента. Ср.: *волок* – *Енисейский волок*, *Маковский волок*, *Ленский волок*; *елань* – деревни *Большая Елань*, *Новая Елань*; *луг* – деревни *Онцыфоров / Анцыфоров Луг*, *Сполошной Луг*; *острог* и деревня *Казачий Луг*; *бык* – мысы *Палигузов Бык*, *Рычков Бык*; *яр* – острог *Красной Яр*, деревня *Белый Яр*; *протока* – *Маланьина протока*, *шар* – проливы *Леденкин Шар*, *Епанчин/Юпанчин Шар*, река *Никольский шар* и др.

Ландшафтные лексемы отмечаются также в структуре однословных топонимов: деревни *Подпорожная*, *Белоярская*, *Частоостровская*, острог *Красноярский*, река *Заостровка* и под.

Таким образом, анализ ландшафтной лексики, отмеченной в рукописных документах, созданных на территории Приенисейской Сибири, показал, что по количеству представленных в ней единиц данная группа достаточно многочисленна, однако преобладающими оказались лексемы, называющие положительные и отрицательные формы рельефа, что обусловлено естественно-географической средой обитания русских первооселенцев.

Наши материалы подтверждают наблюдения исследователей других территорий о высокой степени детализации в описании земного и водного пространства – особенностей рельефа, участков водных объектов, границ отдельных участков местности [14, с. 11-17; 15, с. 149; 21, с. 52]. Ср., например, названия возвышенностей (*бык*, *бугор*, *веретя*, *гора*, *камень*, *кармакул*, *увал*), видов берегов (*берег*, *край*, *мыс*, *яр*), путей сообщения (*бечева*, *бечевник*, *волок*, *дорога*, *путь*, *тропа*, *сакма*, *шлях*) и др. Особенностью ландшафтной лексики Приенисейской Сибири является многозначность отдельных слов: *залива/залева* – ‘низкое место, затопляемое во время половодья’ и ‘залив реки или озера’; *гора* – ‘гора’ и ‘высокий берег реки’; *култук* – ‘залив’ и ‘ложбина, балка’; *курья* – ‘залив реки, уходящий в луга, болота’, ‘глубокое место в реке, яма’ и ‘сенокосный участок вдоль речного залива’ и др.

В состав данной тематической группы входят лексемы как общерусского (*гора*, *берег*, *коса*, *река*, *ручей*, *устье*, *лес*, *поле* и др.), так и локально ограниченного употребления (*буерак*, *веретья*, *елань*, *залой*, *задева*, *курья*, *лог*, *сакма*, *согра*, *режма* и др.), при этом часть диалектной лексики характеризуется широким ареалом распространения уже в XVII в., поскольку отмечается в памятниках письменности различных территорий (вологодских, устюжских, пермских, томских, тюменских и др.). Многие ландшафтные лексемы вошли во все стилистические пласты современного литературного языка. Незначительная часть выявленных геолексем сохраняется в современном русском языке, но с другим значением. Так, к семантическим диалектизмам можно отнести слова *берег*, *вершина*, *гора*, *камень*, *край*.

Проведенное исследование позволяет судить о том, что ландшафтная лексика, отмеченная в рукописных памятниках Приенисейской Сибири, сформировалась на основе лексики севернорусских говоров – архангельских, вологодских и др., что подтверждается данными о характере миграционных потоков в начальном периоде освоения территории бассейна Енисея и формировании постоянного населения.

Исследованная лексика ландшафта свидетельствует о том, что рукописные памятники, созданные на территории Приенисейской Сибири, являются ценным и надежным источником информации о словарном составе русского языка одного из периферийных регионов Московского государства.

Полученные данные позволяют расширить лингвистические знания о русских говорах вторичного образования, реконструировать исходное состояние географической терминосистемы Приенисейского края. Ландшафтная лексика, извлеченная из памятников деловой письменности XVII – начала XVIII в. может использоваться в лексикографической практике при составлении разноаспектных словарей.

Список источников

1. Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (СПбФИРИ РАН). Ф. 110. Оп. «Поуездная коллекция».
2. Берг Л. С. О русской географической терминологии // Землеведение. М., 1915. Т. 22. Кн. 4. С. 99-101.
3. Благова Н. Г. Наименования географических объектов в рукописных памятниках Кольского края // Русское слово в историческом развитии (XIV-XIX века): материалы XXXV международной филологической конференции. СПб., 2007. С. 4-9.
4. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. – СПб.: Советская энциклопедия; Фонд «Ленинградская галерея», 1993. 1629 с.

5. **Городилова Л. М.** Географическая лексика в приенисейской деловой письменности XVII века // Историческая лексикология и лингвистическое источниковедение: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1991. С. 71-79.
6. **Городилова Л. М.** Географические термины в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. // *Fundamental science and technology – promising developments VI: Proceedings of the Conference (North Charleston, 1-2.12.2015)*. North Charleston, SC, USA: CreateSpace, 2015. Vol. 1. P. 181-185.
7. **Государственный архив Красноярского края (ГАКК).** Ф. 907. Оп. 1.
8. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. I. А-З. 699 с.
9. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. IV. Р-Я. 683 с.
10. **Дьякова В. И., Хитрова В. И.** Словарь географической лексики Воронежского края (с историческим комментарием) // *Материалы по русско-славянскому языкознанию: межвузовский сб. научных трудов*. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1988. С. 38-51.
11. **Захарова Т. К.** Рельеф (геогр.) [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/82455/BSE_-_Bol'shaya_Sovetskaya_Enciklopediya_\(RE\).html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/82455/BSE_-_Bol'shaya_Sovetskaya_Enciklopediya_(RE).html) (дата обращения: 28.01.2018).
12. **Картавенко В. С.** Географическая терминология в смоленской деловой письменности XVII-XVIII вв. // *Лексическая и грамматическая семантика: межвузовский сб. научных трудов*. Смоленск: СГПИ, 1986. С. 24-42.
13. **Лабунец Н. В.** Об изучении народно-географических терминов в русских говорах юга Тюменской области [Электронный ресурс]: учебное пособие. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2000. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No10/text06.htm> (дата обращения: 12.10.2017).
14. **Павлова А. В.** Поморская гидрографическая лексика в синхронии и диахронии: автореф. дисс. ... к. филол. н. Архангельск, 2011. 21 с.
15. **Полякова Е. Н.** Географические термины в пермских деловых памятниках XVII – начала XVIII века // *Вопросы ономастики*. Свердловск, 1977. Вып. 12. Русская топонимия и географическая терминология. С. 148-156.
16. **Полякова Е. Н.** Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. 420 с.
17. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 214. Оп. 1.
18. **РГАДА.** Ф. 214. Оп. 3.
19. **РГАДА.** Ф. 838. Оп. 1.
20. **Рябков Н. Г.** Географическая лексика Южного Зауралья по данным деловой письменности XVII-XVIII веков: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1986. 16 с.
21. **Симина Г. Я.** Географические названия (по материалам письменных памятников и современной топонимике Пинежья). Л.: Наука, 1980. 110 с.
22. **Словарь русских народных говоров.** М. – Л. – СПб.: Наука, 1966. Вып. 2. 317 с.; 1968. Вып. 3. 360 с.; 1969. Вып. 4. 357 с.; 1972. Вып. 8. 370 с.; 1974. Вып. 10. 388 с.; 1977. Вып. 12. 369 с.; 1977. Вып. 13. 359 с.; 1978. Вып. 14. 376 с.; 1979. Вып. 15. 400 с.; 1980. Вып. 16. 376 с.; 1981. Вып. 17. 384 с.; 1983. Вып. 19. 360 с.; 1989. Вып. 24. 368 с.; 1992. Вып. 27. 401 с.; 1997. Вып. 31. 433 с.; 1998. Вып. 32. 272 с.; 1999. Вып. 33. 362 с.; 2000. Вып. 34. 369 с.; 2001. Вып. 35. 360 с.; 2002. Вып. 36. 344 с.; 2005. Вып. 39. 343 с.; 2007. Вып. 41. 343 с.; 2010. Вып. 43. 349 с.; 2011. Вып. 44. 350 с.; 2013. Вып. 46. 350 с.
23. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 2-е. М.: Русский язык, 1982. Т. 2. К-О. 736 с.
24. **Словарь русского языка XI-XVII вв.** / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М. – СПб.: Наука; Нестор-История, 1975. Вып. 1. 372 с.; 1975. Вып. 2. 320 с.; 1977. Вып. 4. 404 с.; 1978. Вып. 5. 392 с.; 1981. Вып. 8. 352 с.; 1997. Вып. 22. 298 с.
25. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 12 (Р). 1961. 1676 с.
26. **Суперанская А. В.** Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 182 с.
27. **Цомакион Н. А.** Из истории мангазейско-туруханской лексики. Лексическая группа «Рельеф» // *Материалы и исследования по сибирской диалектологии*. Красноярск, 1971. С. 115-137.

LANDSCAPE VOCABULARY IN BUSINESS WRITTEN LANGUAGE OF YENISEI REGION SIBERIA OF THE XVII – THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY

Gorodilova Lyudmila Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Pacific National University, Khabarovsk
gorodilova_l@mail.ru

The article provides a description of landscape vocabulary fixed in the handwritten monuments of business content of Yenisei region Siberia of the XVII – the beginning of the XVIII century. The paper analyzes the vocabulary associated with the landscape of both natural and anthropogenic origin. Consideration of natural and geographical conditions experienced by the first Russian settlers in Yenisei region Siberia allowed the author to identify and characterize 290 lexemes nominating terrestrial and water objects and the territories with a certain type of vegetation. The paper introduces into scientific use the data acquired from the handwritten monuments stored in the archives of Moscow (Russian State Archives of Ancient Acts), Saint Petersburg (St. Petersburg Branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences), Krasnoyarsk (State Archives of Krasnoyarsk Territory).

Key words and phrases: landscape vocabulary; nomination of lowland and highland terrestrial and underwater relief; nomination of water objects and their areas; nomination of territories with a certain type of vegetation; vocabulary of anthropogenic landscape; landscape lexemes in structure of toponyms.